

от 23 ОКТ 1980
Газета №

В ПЕРВЫЕ ДНИ

НА БОЛЬШОМ проспекте Петроградской стороны, под густыми хлопьями беспрерывно падавшего снега, я прочел первый официальный экстренный выпуск, извещавший о свержении Временного правительства и образовании Совета Народных Комиссаров под председательством Владимира Ильича Ленина (Ульянова). Народным Комиссаром по просвещению был назначен Анатолий Васильевич Луначарский, с которым я познакомился до Октябрьской революции. Через несколько дней я зашел к нему утром. Никогда не забуду обстановку, в которую я попал, придя к нему.

Он занимал тогда квартиру, состоявшую из трех комнат. В столовой я застал Анатолия Васильевича, диктовавшего распоряжения по Наркомпросу Дмитрию Ильичу Левченко, примостившемуся к краю стола, на котором стояли недопитые стаканы жидкого чая.

Анатолий Васильевич, закончив диктовать, начал подписывать бумаги и рассказывать мне о том, как трудно работать в условиях полного саботажа, в котором приняли участие даже швейцары и сторожа здания, где размещалось Министерство народного просвещения. По наущению бывшего своего начальства они закрыли все двери и не впускали представителей только что созданной Советской власти, так что сам Нарком не мог в первые дни войти в свой Наркомат.

Помню, что свои официальные приемы Анатолий Васильевич начал в Зимнем дворце, который с первых часов Октябрьской революции находился в руках большевиков...

Принесли почту. Она была для того времени довольно обширна. Едва Анатолий Васильевич приступил к разбору, как его вызвали в другую комнату. Уходя, он попросил меня закончить разбор. Я занялся этим, и когда он

вернулся, у меня все было готово.

— Ну, вот, вы меня выручили, большое спасибо, — сказал он и через секунду добавил: — Может быть, вы придете и завтра утром, ведь вы живете почти рядом со мной?

На другой день я пришел опять с утра. И с тех пор без всякого официального назначения я начал секретарствовать у Анатолия Васильевича, разбирать почту, составлять проекты ответов, а потом вести прием посетителей в Зимнем дворце. Помню хорошо, что это длилось не меньше двух месяцев, потому что как-то по дороге в Зимний дворец, в машине Анатолий Васильевич мне сказал: товарищ Иванев, но ведь вы же работаете, надо оформить ваше назначение, иначе бухгалтерия не выпишет вам зарплату. Откровенно говоря, ни о какой зарплате я и не думал, так как жил на литературный заработок, а на свою работу у Анатолия Васильевича смотрел как на временную. Мне казалось, что раз чиновники саботируют, то надо помочь Луначарскому хоть чем-то. Призадумавшись, Анатолий Васильевич добавил: — Ведь это ни на что не похоже! Вы работаете уже два месяца.

И сейчас же, приехав в Зимний дворец, продиктовал отношение в бухгалтерию о выплате мне зарплаты за два месяца. С этих пор я уже официально числился секретарем Наркома и в этом качестве скреплял своей подписью все бумаги Анатолия Васильевича по делам искусств.

Я не принадлежал ни к числу «знаменитых писателей», ни к числу «видных общественных деятелей». За моей спиной не было никаких политических за-

Рюрик Иванев — старейший русский поэт и прозаик. В 1912 году он выступил со стихами в большевистской газете «Звезда» с резким осуждением самодержавия. В 1917 году стал на сторону большевиков и активно выступал в поддержку Советской власти. Вскоре Рюрик Иванев становится секретарем А. В. Луначарского, работает во Всероссийской Коллегии по организации Красной Армии, сотрудничает в газете «Известия ВЦИК», принимает участие в работе IV Чрезвычайного съезда Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казацких депутатов. А. В. Луначарский писал о нем Валерию Брюсову 4 декабря 1920 года: «...т. Иванев уже по одному тому, что он буквально в самый день Октябрьской революции явился ко мне с предложением своих услуг по немедленному налаживанию связи между Советской властью и лучшей частью интеллигенции, по тому, что он с большим мужеством в один из ближайших и революционных дней выступал с горячей защитой в то время отвергаемой почти всей интеллигенцией новой власти, — заслужил самое внимательное к себе отношение».

23 февраля 1981 года Рюрику Иваневу исполнится 90 лет. К этому юбилею мы предлагаем вашему вниманию отрывок из новой книги воспоминаний Рюрика Иванева «Из записной книжки памяти», над которой писатель работает в настоящее время.

слуг перед «большевистским подпольем». Я не был «обременен» глубоким знанием истории, о Марксе знал так же поверхностно, как и о Канте, трудов их не читал. Может быть, но будь Февральской революции, я так бы и прожил «вдали от политики».

Когда я сейчас пытаюсь анализировать причины, заставившие меня, «литературного младенца», понять умом и сердцем то, чего не поняли другие интеллигенты, я прихожу к выводу, что «понять события» мне помогли любовь к России, страстная вера в то, что спасти ее и повести к светлому будущему может только партия большевиков, и то обстоятельство, что выступления и статьи Ленина в «Правде» произвели на меня такое впечатление, которое трудно передать словами. Прибегая к старому выражению, могу утерятьшему свежесть, я могу сказать, что Ленин «открыл мне глаза на жизнь».

В декабре 1917 года я решил организовать митинг, который бы способствовал тесному сближению Советской власти и интеллигенции. Прежде всего я обра-

тился к А. В. Луначарскому. Он горячо одобрил эту идею, согласился выступить с основным докладом на тему «Интеллигенция и Народ». Под этим лозунгом митинг вскоре и состоялся.

Зная, что Александр Блок еще до Октября выражал свое сочувствие большевикам, за что подвергался ожесточенным нападкам своих бывших соратников-литераторов, я, после беседы с А. В. Луначарским, отправился на Офицерскую улицу, на которой поэт в то время жил. Я объяснил подробно основную цель митинга и попросил его участвовать в нем. Он сразу без всякого колебания разрешил поставить свое имя на афише. Я торопился по делам, связанным с этим митингом, и, получив его согласие, поднялся с места, но Блок со свойственной ему обязательной простотой задержал меня и начал говорить о том, что его так волновало, — о судьбах России.

К сожалению, я тогда еще не имел времени записать все, что он говорил, но я хорошо помню, что в противоположность мно-

гим тогдашним «пророкам», он считал, что Октябрьская революция подлинно народная. Больше того, по его мнению, этой революцией открывается новая страница и в истории человечества. Он очень тепло и задушевно говорил о Ленине, расспрашивал меня о Луначарском. Я вышел из его квартиры окрыленным. Я подумал тогда: ведь Блок — не только один из самых лучших русских поэтов, он один из самых благородных и объективно мыслящих интеллигентов. И он всецело на стороне большевиков. Неужели же колеблющееся большинство интеллигенции не пойдет за его стопам?

Не буду подробно рассказывать о моих переговорах с другими, скажу только, что, кроме А. В. Луначарского и Александра Блока, согласились выступить Всеволод Мейерхольд, Сергей Есенин, художник Петров - Водкин и др.

Вскоре после заключения Брестского мира, в марте 1918 года, Советское правительство переехало в Москву, которая вновь стала столицей государства. Петроград и Петроградская губерния были объявлены «Северной Коммуной». А. В. Луначарский, оставаясь на посту Наркома по просвещению, не покидал Петрограда. В Москве его заместителем была Н. К. Крупская. Осуществлять связь Наркома с Наркоматом, по мысли Луначарского, должен был я в должности «секретаря - корреспондента». В марте я выехал в Москву. Ярво запомнилось первое знакомство с Н. К. Крупской.

Наркомпрос РСФСР помещался тогда в бывшем Катковском лицее на углу Остоженки и Садовой, недалеко от Крымского

моста. На другой день после приезда я пошел к Надежде Константиновне, к которой у меня было письмо от А. В. Луначарского.

Был яркий, солнечный день, весна уже входила в свои права, снег таял. На улицах журчали ручейки. Я еще не совсем оправился от утомительного путешествия и, сидя в кабинете Крупской, слушая то, что она считала нужным передать Луначарскому (я должен был этой же ночью говорить с ним по прямому проводу из Кремля), очень волновался, что вдруг упущу что-нибудь существенное.

Наблюдательная и чуткая Надежда Константиновна сразу заметила мое состояние и, быстро закончив деловую часть беседы, начала расспрашивать о Петрограде, об Анатолии Васильевиче, о том, где я остановился, чем питаюсь, словом, о бытовых условиях.

Я ответил, что с этой стороны все благополучно. Мы условились о ежедневной встрече в Наркомпросе, и я простился с ней.

Когда я вышел из кабинета, ко мне подошел один из сотрудников Наркомата и спросил, какое впечатление на меня произвела Надежда Константиновна. Я был несколько удивлен. Мне показалось странным, что сотрудника это может интересовать. Видя мое недоумение, он спросил:

— А вы знаете, с кем вы беседовали?

Я еще больше изумился этому вопросу и ответил тоном, в котором проскользнуло нетерпение: — Как же я могу не знать, что говорил с Крупской!

Чувствуя, что я его не понимаю, он, смущенно улыбаясь, пояснил: — Ведь это жена Владимира Ильича Ленина.

Тут только я понял, в чем дело. Так я впервые узнал, что Надежда Константиновна — жена и соратник человека, имя которого было на устах всего мира.